

DOI 10.25991/AE.2019.49.96.024
УДК 82–32

Л. А. Спиридонова

Спиридонова Лидия Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая Отделом изучения и издания М. Горького ИМЛИ имени А. М. Горького РАН
spirid@mail.ru

ЗНАЕМ ЛИ МЫ ГОРЬКОГО?*

В работе показано, как происходило осмысление творчества М. Горького в России и за рубежом, насколько глубоко и недостаточно понято творчество классика сегодня. Намечаются перспективы осмысления наследия Горького с точки зрения современности. В работе обсуждается вопрос: был ли Горький «первым по времени пролетарским писателем», как назвал его А. Луначарский.

Ключевые слова: русская литература XX века, М. Горький, жизнь и творчество

L. A. Spiridonova

DO WE KNOW GORKY?

The work shows that there was a comprehension of M. Gorky's work in Russia and abroad, how deeply and insufficiently understood the work of the classic today. The prospects of understanding the heritage of Gorky from the point of view of modernity are outlined. The paper discusses whether Gorky was The first proletarian writer, as he was called by A. Lunacharsky.

Keywords: Russian literature of the XX century, M. Gorky, life and creativity

Классик мировой литературы Максим Горький сегодня — писатель широко неизвестный. И хотя его памятник, наконец, вернули на прежнее место, мало кто знает, почему он стоял на площади около Белорусского вокзала. Между тем история возвращения Горького на родину была сложной. Весь 1927 год его активно приглашали на празднование десятилетия советской власти, но он только прислал две статьи к юбилею. Приехав в мае 1928 года, чтобы познакомиться с новой Россией, он в октябре вернулся в Сорренто. В 1929, 1931 и 1932 годах писатель жил в СССР не более полугода, возвращаясь на осень и зиму в Италию. С октября 1929 по май 1931 года он вообще не приезжал на родину и окончательно поселился там лишь в мае 1933 года.

Неудивительно, что Сталин все это время пытался как можно крепче «привязать» всемирно известного писателя к советской действительности, щедро осыпая его «подарками», которые чаще всего не радовали, а то и раздражали Горького. Но советским руководителям было важно показать всему миру, что писатель стал стопроцентным большевиком и их единомышленником. С этой целью по воле Сталина работала гигантская пропагандистская машина.

В 1930-е годы с легкой руки А. В. Луначарского и других советских идеологов М. Горького стали называть «первым пролетарским писателем», «убежденным марксистом», «основоположником социалистического реализма». Эти штампы настолько прочно пристали к писателю, что стали причиной его развенчания как классика советской литературы в лихие годы «перестройки». Пытаясь разрушить

и похоронить все советское, многие критики называли его придворным бардом Сталина, певцом насилия и беззакония, другом «кровавых чекистов». Понадобились годы и публикации большого количества ранее неизвестных архивных материалов, чтобы восстановить истину и объективно разобраться в жизни и творчестве одного из самых значительных деятелей мировой культуры в России.

Это могло бы сделать полное собрание сочинений М. Горького, прозаика, поэта, драматурга, критика и публициста, автора около 20 000 писем, которое составляет не менее 80 томов. Однако оно до сих пор не издано, даже к 150-летию юбилею писателя. Задуманное в 1960-х годах в трех сериях («Художественные произведения», «Публицистика» и «Письма») полное собрание сочинений не могло выйти в годы советской власти, так как под цензурным запретом были многие статьи Горького и примерно третья часть писем. Выпустив первую серию, издательство «Наука» начало с 1997 года издавать «Письма» Горького, доведя их только до 19-го тома из 24-х. Предпочитая коммерческие проекты изданию русских классиков, оно не торопится завершить работу из-за постоянного отсутствия средств. Между тем даже серия «Писем» показала, что творческое наследие писателя и его облик абсолютно не соответствуют советским меркам. Попробуем проверить хотя бы некоторые из популярных и сегодня штампов с помощью неизвестных ранее фактов и высказываний самого Горького.

В советские годы становление писателя непременно связывали с его увлечением марксизмом. Однако революционные кружки саморазвития, ко-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Максим Горький как мировое явление. Роль Горького в литературе, критике, публицистике, политике, культуре и искусстве, театре, кино, современной инфосфере» № 18–012–00158.

торые посещал юноша Пешков в Казани, были народническими. Марксистскую теорию в них изучали по популярной брошюре А. Н. Баха «Царь Голод». Горький вспоминал впоследствии: «Маркс-Энгельс принимались настолько, насколько можно было знать их учение по «Царю-Голоду». В Казани Горький познакомился с марксистами, прочитал «Манифест Коммунистической партии», но убежденным марксистом так и не стал. В «Беседах о ремесле» он признавался, что книгами, которые всерьез повлияли на становление его взглядов, были «История умственного развития Европы» Д. Дреппера, «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского, «История индуктивных наук» У. Уэвелля и «История немецкой культуры» И. Шерра. Добавим еще знакомство писателя с философией пессимизма, о которой в 1889 году ему рассказали студент Н. З. Васильев, поклонник Фридриха Ницше и Артура Шопенгауэра, и старый народник А. И. Орлов, переводчик произведений «певца мировой скорби» Джакомо Леопарди. Стихи, с которых начинал свой творческий путь Горький, по содержанию и стилю стали напоминать произведения итальянского поэта. Не удивительно, что в конце февраля 1897 года он писал: «Я — не марксист и оным не буду вовеки, ибо считаю стыдом исповедовать «марксизм по-русски и по-немецки», ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на нее».

Революционный пафос произведений раннего Горького был шире всяких партийных рамок. Поэтому писатель не раз признавался, что он «плохой марксист», что марксизму его учил больше других булочник Семенов, что он «марксист не по Марксу, а потому что так выдублена кожа». Идейные расхождения Горького с марксистами-ленинцами, которые начались после написания повести «Мать» и особенно усилились в 1917–1918 годах, свидетельствовали о его близости к «другим большевикам» (А. Богданову, В. Базарову, А. Луначарскому и другим) и увлечению богостроительством. Отголоски идеалистических идей слышны и в советском творчестве Горького. Вернувшись на родину, он называл себя беспартийным большевиком и искренне удивлялся, если из него старались сделать убежденного марксиста. Когда литературный комиссар Сталина И. М. Гронский радостно заявил ему, что обнаружил в рассказе «Емельян Пиляй» скрытую цитату из «Капитала» Маркса, писатель усмехнулся и сказал: «Странно, что я не обратил на это внимания».

Посмотрим, был ли Горький «первым по времени пролетарским писателем», как назвал его А. Луначарский. Социалистические идеи широко распространялись во всем мире во второй половине XIX века. Не только в творчестве Эмиля Золя, Томаса Манна, Джека Лондона, Марка Твена, Бернарда Шоу и многих других мастеров прозы, но и в поэзии Эжена Потье, Артюра Рембо, Эмиля Верхарна говорилось о безжалостной эксплуатации человека при капитализме, и звучала тема пролетариата.

В критических работах о раннем пролетарском искусстве уже было отмечено существование книг «о рабочих и для рабочих». Иными словами, Горький никак не мог быть «первым по времени пролетарским писателем». К тому же горьковские босяки, грузчики на Волге, рыбаки, пекари, плотники, даже наборщики и машинисты паровоза — не пролетариат в классовом смысле этого слова. Люмпен-пролетариев он тоже изображал не первый.

Среди писателей XIX века критики называют Жоржа Экоута, автора очерков «Из мира бывших людей», Жана Ришпена и Жана Риктю, с которыми критик И. Игнатов сравнивал произведения Горького. Анализируя в 1898 году общую для них тему босячества, он обнаружил качественное отличие горьковских рассказов от произведений французских авторов: «Он сделал жизнь босяков сознательным отражением той философии, которую каждый из них выработал». Действительно, горьковские босяки отличаются и от «отверженных» Виктора Гюго, и от «униженных и оскорбленных» Федора Достоевского, и от люмпен-пролетариев Александра Левитова, С. Каронина (Николая Елпидифоровича Петропавловского), Михаила Воронова и других авторов, писавших до Горького. Им присуща безудержная жажда свободы, анархическое бунтарство, дерзкое неприятие существующего порядка. Проблема личности в ее отношении к обществу и миру, столь характерная для европейского «нового» искусства, превратилась у Горького в прославление Человека с большой буквы.

Литературный критик и историк русской литературы Александр Скабичевский заметил, что от горьковских героев «и не пахнет тем, что на Западе известно под именем пролетариата. Перед нами явление самобытно-русское, исконно-историческое, подобное которому в настоящее время вряд ли можно найти где бы то ни было». Протестуя против стремления нарядить Горького в костюм «первого пролетарского писателя», критик еженедельника «Nation» писал, что «мерка, по которой шит этот костюм, подошла бы с таким же успехом к Джеку Лондону и О. Генри». Причины «притягивания» Горького к пролетарскому рабочему движению понятны: талантливого писателя и «буревестника революции» постоянно пытались использовать в своих интересах все радикальные партии в России и за рубежом.

Революционно-пролетарская тема впервые прозвучала в творчестве Горького в повести «Мать» и пьесе «Враги», но, как известно, не удовлетворила ни большевиков, ни меньшевиков, не говоря уже о либеральной интеллигенции. В повести писатель громко заявил, что идея социализма является новой религией пролетариата и способствует воскрешению души каждого угнетенного человека. Ниловна — не просто мать рабочего Павла Власова, а прообраз Богоматери, поверившей в новую правду сына, это «душа воскресшая», за которой пойдут другие. Будучи «человекопоклонником», Горький искренне

верил, что новая вера преобразит самого человека, который сделает жизнь справедливой и разумной. Идею социализма Горький считал столь же сильной, как христианство на заре возникновения, поэтому герои его повести напоминают не столько реальных рабочих Нижнего Новгорода, сколько двенадцать апостолов, несущих народу новую веру.

Соединяя в одном художественном произведении хронику революционных событий 1905 года и евангелие для пролетариата, писатель впервые выступил как новатор, создающий новый метод в литературе. Продолжая поиски синтеза разных художественных систем, Горький дает в повести «Исповедь» символический образ «бога-народушки», который может творить евангельские чудеса. Народ он считает главной созидательной силой в истории. Коллективизм людей труда, объединенных общей верой и сплоченных одной целью, Горький славит в «Сказках об Италии», а в цикле «По Руси» и в автобиографической трилогии показывает процесс рождения нового человека в недрах старого строя. Историзм и умение увидеть жизнь в ее революционном развитии определили своеобразие повествования в повести «Дело Артамоновых». Синтез реализма, романтизма и социалистического мифотворчества, который является характерной особенностью художественной системы Горького, в 1930-х годах позволил советским идеологам объявить его «основоположником социалистического реализма».

Документально доказано, что к разработке теоретических догм «основного метода» советской литературы Горький не имел никакого отношения. Весной 1932 года он еще жил в Сорренто, когда в кабинете Сталина в беседе вождя с И. М. Гронским родилось название этого метода. На следующий день на заседании комиссии Политбюро, где присутствовали писатели из РАППа, ВОАППа и МОРПА (Александр Афиногенов, Владимир Киршон, Бруно Ясенский, Бела Иллеш и другие), социалистический реализм был утвержден как творческий метод советской литературы. Горького на этом заседании не было, но председательствующий Павел Постышев заявил, что его можно считать «основоположником» нового метода, который зародился задолго до революции. Писателю, вернувшемуся из Италии 25 апреля 1932 года, был преподнесен очередной «подарок» власти. Торжественно отмечая в этом году 40-летие литературной деятельности Горького, Сталин нарочито щедро наградил его не только орденом Ленина, но и переименовав Нижний Новгород, главную улицу Москвы и даже МХАТ, тесно связанный с именем А. П. Чехова.

20 мая 1932 года, выступая на собрании актива литературных кружков Москвы, Горький сказал, что основным методом советской литературы является метод социалистического реализма, но никак не выразил своего отношения к нему. Известно, что в последние годы жизни он ратовал за разнообразие методов и стилей в творчестве писателей и активно выступал против попыток подчинить культуру

партийному диктату. Союз писателей, возникший при его непосредственном участии, писатель мыслил как добровольное содружество писателей, объединенных единой целью — пропагандировать «лучшие идеалы лучших людей человечества».

12 февраля 1933 года на втором пленуме Оргкомитета А. В. Луначарский сделал доклад «О социалистическом реализме», одобренный Сталиным. В нем говорилось, что писатель должен уметь подниматься над действительностью и, заглядывая в будущее, ускорять темпы социалистического строительства. Горький не присутствовал на этом заседании, ибо он опять был в Сорренто. Но можно сказать, что его понимание нового метода не совпадало с официальным. Сопоставим несколько горьковских определений его особенностей. В статье «О социалистическом реализме» (1933) он предлагает молодым писателям смотреть на прошлое «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм».

В докладе на Первом съезде советских писателей (1934) Горький сказал: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно росту его потребности хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью». Он не раз писал о «третьей действительности», олицетворяющей будущее, с точки зрения которого нужно оценивать настоящее, но никогда не требовал подчинять художественное творчество партийному влиянию. Более того, отвечая тем, кто возражал против тенденции изображать желаемое, а не действительное, заметил, что соцреализм — это «не уход в мир иллюзии, а одна из возможностей отражения действительности в ее развитии, в ее будущем».

До самой смерти Горький так и не дал четкой формулировки нового метода советской литературы, называя его чаще всего социалистическим романтизмом. В статье «О бойкости» (1934) он писал: «Революционный романтизм — это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое и настоящее, но главным образом — способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего». Всеми силами способствуя становлению нового метода советской литературы, будучи наставником и учителем многих талантливых писателей первой половины XX века, Горький не поддерживал намерения советской власти подчинить литературу партийному диктату. Об этом

убедительно свидетельствует переписка писателя со Сталиным, Молотовым, Кагановичем и другими партийными деятелями, ставшая известной только в XXI веке.

Можно сказать, что к тому догматическому пониманию социалистического реализма, который превратился после смерти Горького в пугающий жупел в итоге информационной войны между СССР и зарубежными странами, он не имел никакого отношения. Но все-таки писатель был основоположником новаторского метода русской литературы в первой половине XX века. В самом его начале писатель выступил зачинателем литературного направления, которое сегодня все чаще называют «новым реализмом», а в живописи даже «романтическим реализмом». Внимательно присматриваясь к новаторским, в том числе авангардистским художественным открытиям, стремясь с максимальной полнотой отразить своеобразие своего сложного времени, Горький со временем добился органического синтеза реализма, романтизма и социалистического мифотворчества.

Бессмертная повесть «Детство» — блестящий образец «нового реализма». Создавая миф о «новом человеке» на материале собственной жизни, писатель использует реалистические приемы при описании «свинцовых мерзостей» русской жизни и символи-

ческое иносказание в раздумьях о судьбах России (дедушка и бабушка символизируют у него два разных типа людей, поклоняющихся разным богам). Написанные в последние годы жизни пьесы «Егор Булычов и другие» и «Васса Железнова» созданы по образцам новой европейской драмы, а монументальная «Жизнь Клима Самгина» совсем не похожа на произведение социалистического реализма. Не случайно критики сравнивают ее с интеллектуальным романом, столь популярным в мировой литературе XX века. Социальный романтизм, историзм, народность и неистребимая вера в Человека с большой буквы, способного изменить ход истории, — характерные черты творчества Горького. Именно у него социалистическое мышление впервые стало органической частью символики в художественном произведении, что и сделало писателя знаменем прогрессивной литературы во всех странах мира. Под его влиянием формировались национальные литературы в республиках СССР и странах социалистического лагеря, развивалось революционное искусство в Европе и Америке. Умение мыслить широкими историческими категориями, способность ценить жизнь во всех ее проявлениях, культ Человека, способного преобразить мир и себя самого, утверждение ценности созидательного труда сделали писателя нашим современником.